ИНЖЕНЕРЪ-ГЕНЕРАЛЪ-МАІОРЪ К. Ф. ДЕТЛОВЪ

1789—1840.

...«Я очень чувствую какъ несносна жизнь, когда честное имя поношено».

(Изъ письма маіора Детлова гр. Аракчееву отъ 27 окт. 1824 г.).

Составляя настоящій біографическій очеркъ, я столько же имѣю въ виду почтить память человѣка, моего отца, вполнѣ заслуживающаго не быть забытымъ, сколько и сообщить, сгруппировавъ, нѣсколько подлинныхъ фактовъ для характеристики Аракчеева и исторіи его дѣтища—военныхъ поселеній.

„Служа его величеству (императору Александру I) вѣрою и правдою, я не пріобрѣлъ ни чиновъ, ни почестей, ни богатства; я имѣлъ счастіе удостоиться одной только награды, превыше всѣхъ наградъ—его высочайшей къ себѣ довѣренности. Она одушевляла меня въ моемъ служеніи и до конца дней моихъ пребудетъ единственнымъ утѣшеніемъ и всемірный Судья, грядущее время и потомство изречетъ всему справедливый приговоръ".

Это слова Аракчеева въ письмѣ къ императору Николаю отъ 9 апрѣля 1826 г. съ просьбою объ увольненіи, съ сохраненіемъ жалованья, заграницу для леченія. Въ нихъ, мнѣ кажется, довольно полно обрисовывается непомѣрное честолюбіе его. Человѣкъ, передъ которымъ трепетала и согнулась вся Россія, начиная съ высшихъ сановниковъ, человѣкъ, почти самовластно управлявшій нѣсколько лѣтъ государствомъ, полный генералъ и графъ,—осмѣливался говорить, что онъ не пріобрѣлъ ни чиновъ, ни почестей! Въ то-же время онъ былъ искренно увѣренъ, что облагодѣтельствовалъ Россію, которая не понимаетъ еще этого блага, — но грядущее время оцѣнитъ его, Аракчеева, этого великаго государственнаго мужа и патріота.

Смѣю думать, что всякій фактъ, способствующій выясненію дѣйствительнаго характера этого историческаго лица, не долженъ залеживаться въ семейныхъ бумагахъ и забываться въ семейныхъ преданіяхъ. К. К. Д.

I.

Дѣдъ мой (Adam Friedrich Dettloff) былъ родомъ пруссакъ. Въ Поморьѣ эта фамилія встрѣчается и теперь и своимъ созвучіемъ свидѣтельствуетъ о славянскомъ происхожденіи нашего рода. Окончивъ курсъ въ 1780 г. по математическому факультету несуществующаго теперь университета во Франкфуртѣ на Одерѣ, дѣдъ мой получилъ должность землемѣра на государственной прусской службѣ. Въ то время шло регулированіе поземельныхъ отношеній между помѣщиками и крестьянами и онъ состоялъ при комиссіяхъ, занимавшихся этимъ дѣломъ, — сперва въ Кюстринскомъ округѣ, а потомъ въ Восточной Пруссіи. Это былъ прямой человѣкъ и честный, исполнительный чиновникъ, какихъ много вырабатываетъ прусская общественная и государственная жизнь. Въ 1785 г. онъ женился на дѣвицѣ Каролинѣ Гарценъ, круглой сиротѣ, родители которой были когда-то зажиточными помѣщиками. Но вслѣдствіе раззоренія въ семи-лѣтнюю войну и какихъ то процессовъ изъ этого богатства досталось моей бабкѣ только одно: хорошее воспитаніе, которое она получила въ молодости въ домѣ Шельбаха (владѣвшаго имѣніемъ Бальцъ (Balz) на шоссе между Кюстриномъ и Ландсбергомъ на Вартѣ), за котораго моя прабабка, потерявъ перваго мужа, вышла вторично.

Бабка моя была женщина весьма образованная, умѣвшая, при крайней бѣдности, а порою даже нищетѣ, съ которыми ей пришлось бороться всю жизнь,—дать хорошее воспитаніе всѣмъ дѣтямъ своимъ, вложить въ нихъ непоколебимыя правила чести и внушить стремленіе къ добру. Въ старомъ альбомѣ, принадлежавшемъ моему дѣду и доселѣ сохранившемся, я нашелъ двустишіе, вписанное ея рукою, когда она была еще невѣстой (1779 г.):

„Nur nicht die Redlichkeit
Sonst mag uns Alles fehlen“,

которыми, думаю, она достаточно обрисовала себя.

Въ 1789 году дѣдъ мой служилъ въ городкѣ Зольдинѣ (Soldin), недалеко отъ Кюстрина, гдѣ 24 февр. (ст. ст.) и родился отецъ мой Воспреемниками при крещеніи была мѣстная интеллигенція: суперъ-интендентъ и городской голова (докторъ-медицины). Вскорѣ дѣдъ былъ переведенъ на службу въ Восточную Пруссію въ г. Лабіау, а въ 1797 г. въ Бѣлостокъ, который въ то время, послѣ послѣдняго раздѣла Польши въ 1793 г., принадлежалъ со всѣмъ своимъ округомъ Пруссіи. Самый городъ составлялъ нѣчто въ родѣ частной собствен-

ности прусскаго короля, который уплатилъ за него Потоцкимъ въ 1802 г. 270,970 талеровъ. Пруссаки, вступивъ во владѣніе Бѣлостокскою областью, принялись, со свойственною ихъ правительству энергіею и умѣньемъ, за разныя преобразованія. Тотчасъ началась постройка дорогъ, измѣреніе и береженіе государственныхъ лѣсовъ, были открыты школы и гимназія. «Въ короткое время вмѣсто ветхихъ деревянныхъ домиковъ на улицахъ Варшавской и Боярской явились двухэтажные, каменные дома, улицы вымощены камнемъ и проч.» [1]. Память и слѣды 12-лѣтняго прусскаго управленія до сихъ поръ живутъ въ населеніи и видны, между прочимъ, въ суконной фабрикаціи, насажденной по почину и при покровительствѣ прусскаго правительства.

Прибывъ въ Бѣлостокъ, гдѣ коронная служба вознаграждалась лучше, чѣмъ въ старыхъ прусскихъ провинціяхъ и пользовалась нѣкоторыми привиллегіями,—дѣдъ мой помѣстилъ отца во вновь открытую (польско-нѣмецкую) гимназію, изъ которой онъ, не вполнѣ окончивъ курсъ, вышелъ въ концѣ 1806 года. Кромѣ предметовъ, въ ней преподававшихся, онъ основательно изучилъ въ это время французскій языкъ, благодаря какому-то эмигранту-дворянину, жившему въ томъ же домѣ. Въ 1807 г. по Тильзитскому миру Бѣлостокская область была передана Пруссіею Россіи, а дѣдъ мой получилъ предложеніе отъ нашего правительства перейти въ русскую службу и продолжать свои работы по измѣренію лѣсовъ. Предложеніе это онъ принялъ и перешелъ въ русское подданство, но, по семейнымъ преданіямъ, до самой смерти (въ 1839 г.) раскаявался въ этомъ шагѣ, не умѣя и не желая уживаться съ нашими служебными обычаями и порядками того времени (да одного ли того?), гдѣ служить государству и не кормиться мѣстомъ было почти невозможно при нищенскихъ окладахъ казеннаго жалованья. Онъ до конца жизни боролся съ нуждою, не оставилъ, разумѣется, даже денегъ на свое погребеніе и получая, послѣ отставки въ 1826 г., когда переѣхалъ на житье въ Гатчину, сперва 400, а потомъ 750 р. ассигнаціями пенсіи, существовалъ на поддержку, оказываемую дѣтьми. На долю моего дѣда и бабки выпало рѣдкое счастіе: они прожили въ супружествѣ 53 года и 27 августа 1835 г. торжественно праздновали въ зданіи «Пріоратъ», въ Гатчинѣ, любезно предложенномъ на этотъ случай дворцовымъ правленіемъ,—день своей золотой свадьбы. Послѣдніе годы своей жизни оба провели на покоѣ, въ Гатчинѣ, гдѣ дѣти построили имъ на Маріинской улицѣ домъ, и, согласно своему желанію, погребены въ с. Скворицы, близь Гатчины.

---

[1]) Гродненская губернія, прекрасный трудъ Н. О. Бобровскаго, стр. 854.

Въ 1806 году въ Бѣлостокѣ стояли наши войска. Генералъ Игнатьевъ, кажется, командовавшій гвардейскою артиллеріею, обратился къ тогдашнему директору бѣлостоцкой гимназіи, Маціевскому, съ просьбою рекомендовать ему молодого человѣка изъ почтеннаго семейства на должность учителя къ его дѣтямъ. Директоръ предложилъ молодаго Детлова и это предложеніе, вѣроятно выгодное въ денежномъ отношеніи, было причиною оставленія имъ гимназіи до окончанія курса. Нужно было въ 17 лѣтъ не только самому заработывать средства къ жизни, но еще поддерживать родителей и сестеръ. Онъ провелъ въ домѣ Игнатьева около двухъ лѣтъ, странствуя съ семьей генерала и частью, которою онъ командовалъ, по западной Россіи до возвращенія въ Петербургъ. Завѣтною мечтою его въ это время было скопить столько денегъ, чтобы имѣть возможность прослушать курсъ въ университетѣ по филологическому факультету. Но въ Петербургѣ онъ перешелъ отъ Игнатьева въ домъ генерала графа Оппермана, вѣроятно также въ качествѣ наставника или учителя. Это рѣшило его дальнѣйшую судьбу.

Ген. Оппермань завѣдывалъ въ то время инженернымъ вѣдомствомъ. Въ началѣ 1812 года онъ рекомендовалъ Детлова извѣстному барону Андрею Львовичу Николаи на должность домашняго секретаря. Должность эта, при весьма преклонныхъ уже лѣтахъ барона и благоволеніи его къ молодому человѣку, — была немногосложна и оставляла много свободнаго времени. Проживая въ Монрено, близь Выборга, Детловъ, поддержанный съ одной стороны ученымъ барономъ (который въ молодости былъ профессоромъ страсбургскаго университета и талантливымъ писателемъ), а съ другой—пользуясь покровительствомъ графа Оппермана,—воспользовался досугомъ для подготовки себя къ поступленію во вновь открытый въ Петербургѣ институтъ корпуса инженеровъ путей сообщенія. Заведеніе это было, какъ извѣстно, учреждено при содѣйствіи Наполеона I, прислвшаго для этой цѣли профессоровъ: генерала Бэтанкура, Карбонье, д'Этренна и Базэна (отца извѣстнаго маршала Базэна, сдавшаго Мецъ въ 1871 г., который родился въ Петербургѣ). Институтъ этотъ, гдѣ весь курсъ читался на французскомъ языкѣ, сразу овладѣлъ симпатіями общества и лучшая, способнѣйшая, жаждавшая знанія молодежь устремилась туда. Но институтъ, въ то время, былъ открытымъ заведеніемъ, гдѣ слушались только лекціи. О квартирѣ и содержаніи студенты должны были заботиться сами, получая, впрочемъ, по прошествіи перваго года офицерскій чинъ, дававшій уже жалованье. И тутъ помогъ Детлову великодушный и высокообразованный старецъ, баронъ Николаи. Онъ отвелъ ему безплатно помѣщеніе въ принадлежавшемъ ему въ Петербургѣ домѣ.

Каникулярное время Детловъ проводилъ въ Монрепо, гдѣ большею частью проживалъ баронъ, продолжая нѣкоторыя секретарскія занятія при немъ, и съумѣлъ заслужить расположеніе и даже любовь его. Уже въ 1820 году, за два мѣсяца до смерти, послѣ быстрыхъ служебныхъ успѣховъ Детлова у Аракчеева, престарѣлый баронъ написалъ ему весьма теплое письмо, гдѣ предсказывалъ хорошее будущее. «Примите», говоритъ онъ между прочимъ въ этомъ письмѣ, «не только мое поздравленіе съ полученными вами отличіями, но и мое увѣренное предсказаніе въ будущемъ дальнѣйшемъ вашемъ повышеніи и мою благодарность за вашу дружбу ко мнѣ».

Поступивъ въ институтъ 1-го октября 1812 г., Детловъ окончилъ курсъ въ 1815 г. съ чиномъ поручика, третьимъ. Первымъ былъ Рокосовскій. Это были бурные годы французскихъ войнъ, возвеличившія Россію. Кромѣ барона Николаи онъ нашелъ въ это время матеріальную и нравственную поддержку въ мужѣ своей старшей сестры, докторѣ Иванѣ Федоровичѣ Ержемскомъ, служившаго при военномъ госпиталѣ или при войскахъ, расположенныхъ въ казармахъ на Выборгской сторонѣ въ Петербургѣ. Тамъ проводилъ онъ обыкновенно праздники и впослѣдствіи любилъ вспоминать это голодное, но сердечно теплое молодое время.

По окончаніи курса Детловъ былъ назначенъ въ распоряженіе генерала Фабра, строившаго Петербурго-московское шоссе и работалъ у него около трехъ лѣтъ.

II.

Въ 1817 году началось устройство военныхъ поселеній въ Новгородской губерніи, вдоль Волхова, подъ непосредственнымъ руководствомъ Аракчеева, часто проживавшаго въ своемъ Грузинѣ, въ 30—40 верстахъ отъ мѣста работъ. Картина этого предпріятія, грандіознаго по своей жестокости къ людямъ и нелѣпости въ государственномъ отношеніи, грандіознаго по энергіи, рабочей силы и капиталамъ, быстро затрачепнымъ на него,—достаточно обрисована «Русскою Стариною» и другими нашими историческими журналами. Тысячи людей 8 лѣтъ рубили лѣса, корчевали ихъ, пилили доски и дрова, жгли известь и кирпичъ, клали стѣны, проводили канавы и шоссе, сѣяли, косили, молотили и въ то же время еще дѣлали ружейные пріемы и учились ходить «шагомъ журавлинымъ». Аракчеевъ (по словамъ Герцена въ статьѣ его «Новгородъ Великій и Владиміръ на Клязьмѣ») заставилъ несчастныхъ военныхъ поселянъ «пахать землю по темпамъ, хотѣлъ

увѣрить мирпаго мужика, что онъ грозный воинъ, разрушилъ семью и деревню и все это легкимъ и простымъ средствомъ: засѣкая десятаго мужика до смерти, а всѣхъ остальныхъ степенью меньше».

8-го февраля 1817 г. Карлъ Федоровичъ Детловъ былъ переведенъ въ вѣдомство военныхъ поселеній, но продолжалъ еще занятія у генерала Фабра до весны 1818 года, когда вмѣстѣ со своимъ начальникомъ, назначеннымъ директоромъ всѣхъ инженерныхъ работъ въ военныхъ поселеніяхъ, поступилъ въ распоряженіе Аракчеева и немедленно былъ назначенъ производителемъ работъ полкового штаба гренадерскаго графа Аракчеева полка (нынѣ Селищенскія казармы, въ которыхъ долго стоялъ Гродненскій гусарскій полкъ). Это было первое строившееся военное поселеніе, долженствовавшее служить образцомъ для всѣхъ другихъ.

Постройка этого штаба производилась моимъ отцомъ болѣе 8 лѣтъ. Аракчеевъ скоро убѣдился, что въ Детловѣ нашелъ именно того человѣка, въ которомъ нуждался, почти идеальнаго исполнителя своихъ требованій: умнаго, честнаго, неутомимой дѣятельности, весьма честолюбиваго въ благородномъ смыслѣ этого слова, т. е. искавшаго не отличій въ видѣ чиновъ и крестовъ, а полагавшаго свою честь въ строгомъ и честномъ исполненіи долга. Въ то же время Аракчеевъ понималъ, что это вполнѣ его человѣкъ, безъ имени и состоянія, безъ протекціи, вполнѣ зависящій отъ службы.

Эту вполнѣ каторжную 8-ми лѣтнюю службу ярко описываетъ въ своихъ запискахъ, напечатанныхъ въ «Русск. Архивѣ» 1875 г., сослуживецъ и пріятель Детлова, впослѣдствіи сенаторъ, Егоръ Федоровичъ фонъ-Брадке, раздѣлившій въ нимъ труды, какъ офицеръ генеральнаго штаба, по устройству того же самаго поселенія.

«Лѣтомъ работы начинались въ 4 часа; отъ 11-ти до 1 или 2 часовъ отдыхъ, обѣдъ и сонъ; затѣмъ опять работы до 8-ми часовъ. Зимою мы занимались въ штабѣ военныхъ поселеній постоянно отъ 8 до 3 час.: но всего послѣобѣденнаго времени едва доставало, чтобы управиться съ занятіями по дому. Часто приходилось сидѣть до поздней ночи и затѣмъ приниматься за дѣло въ 4 часа утра. О воскресныхъ и праздничныхъ дняхъ не было и помину. Я едва успѣвалъ причаститься св. Тайнъ, не то чтобы навѣщать кого нибудь.

«Трудное было время. Мы его выносили, пока оно длилось; а начинать опять такую жизнь никто бы по доброй волѣ не согласился. Но намъ выбора не было. Большая часть чиновниковъ не имѣли состоянія; а кто уходилъ отъ графа противъ его воли, тому уже нельзя было нигдѣ опредѣлиться».

Труднѣе всего было поставить себя въ мало-мальски человѣческія

отношенія съ графомъ, ни съ кѣмъ не церемонившимся. Детловъ, привыкшій къ изысканно-вѣжливому обращенію въ домахъ Игнатьева, Оппермана и Николаи, не могъ, какъ и Брадке, переносить казарменныхъ грубостей Аракчеева и вмѣстѣ съ нимъ заслужилъ названіе «карбонари» и «вольнодумца». Но, неуязвимые съ служебной стороны, эти карбонари вскорѣ полюбились графу, разумѣется по своему, какъ необходимые пѣшки въ извѣстной игрѣ. «Онъ обращался съ нами», говоритъ г. Брадке, «учтиво и привѣтливо, такъ что мы, молодые и незначительные офицеры, находились въ исключительномъ положеніи по сравненію съ важнѣйшими чинами, его окружавшими». Но расположеніе такого человѣка было тоже опасностью, едва не подвергшею Детлова, за пустой недосмотръ, разжалованію въ солдаты.

Съ весны 1818 года работа закипѣла: цѣлые полки были въ распоряженіи Детлова и, вѣроятно, Аракчеевъ остался доволенъ его дѣятельностію, потому что 14 ноября этого года онъ произведенъ въ капитаны. Все лѣто 1819 г. Аракчеевъ (кажется) отсутствуетъ изъ новгородскихъ военныхъ поселеній, но, по возвращеніи награды, буквально, посыпались: 14 апрѣля 1820 г. Владиміръ 4-й степени, 1-го мая единовременно 2,000 руб. асс., 28 мая чинъ маіора и, наконецъ, 12 декабря, все того же 1820 г., алмазный перстень. Кромѣ этихъ 4-хъ наградъ, 25 октября 1820 г., Аракчеевъ отдалъ приказъ по корпусу поселенныхъ войскъ:

„По засвидѣтельствованію директора работъ, ген.-маіора Фабра, и личному усмотрѣнію моему успѣха въ построеніи въ семъ году каменныхъ зданій въ штабахъ округовъ поселенія гренадерскихъ полковъ: его величества короля прусскаго и имени моего, подъ особеннымъ распоряженіемъ инженеръ-маіоровъ Рерберга и Детлова, въ особенное удовольствіе себѣ вмѣняю, какъ чиновникамъ отлично усерднымъ, изъявить имъ по корпусу поселенныхъ войскъ мою совершенную благодарность, объявляя таковую и инженеръ-поручику Львову [1]) и за содѣйствіе“ и т. д.

Но такія милости смѣнялись и строгостью не только суровой, но и нелогичной. Въ приказѣ 20 мая 1823 г. Аракчеевъ объявляетъ:

„Инж.-маіоръ Детловъ вошелъ съ представленіемъ, что отъ неровной осадки стѣнъ каменной церкви, которую онъ строитъ, могутъ быть трещины въ стѣнахъ и сводахъ, что таковое поврежденіе угрожаетъ прочности строенія, и что онъ не находитъ возможности отвратить оное. Представленіе это было разсмотрѣно ген. Фабромъ (директоромъ работъ) обще съ архитекторами Стасовымъ и Штаубертомъ и всѣ они признали опасеніе сіе неосновательнымъ.

Маіоръ Детловъ извѣщенъ о семъ подробно отъ директора работъ, а я

[1]) Кажется извѣстный музыкантъ, авторъ „Боже царя храни“?

К. Д.

предупреждаю его, что всякое послѣ сего въ строеніи церкви поврежденіе или непрочность подвергнутъ его взысканію посредствомъ военнаго суда какъ за упущенія, происшедшія собственно отъ несмотрѣнія за производствомъ работъ».

Такимъ образомъ съ одной стороны «опасенія неосновательны», а съ другой, если эти опасенія сбудутся,—военный судъ.

Другіе болѣе строгіе, но столь же неосновательные выговоры получилъ Детловъ въ приказахъ 11 мая и 8 января 1823 г., по которымъ кромѣ выговора подвергнутъ еще денежному начету за передержку кирпича противъ смѣты, не имъ составленной, не смотря на то, что заранѣе предупреждалъ о недостаточности кирпича по этой смѣтѣ.

Въ началѣ 1824 года, все продолжая постройку штаба, Детловъ познакомился въ Гатчинѣ, куда ѣздилъ по какимъ-то дѣламъ, въ домѣ доктора Филиппа Филипповича Деппа съ дѣвицею Александрою Исакіевной Гранбаумъ, влюбился, въ апрѣлѣ сталъ ея женихомъ, а въ іюнѣ мужемъ и перевезъ молодую жену въ «Поселенія», Аракчеевщину, самое названіе которыхъ возбуждало уже какой-то страхъ.

Съ апрѣля по іюнь 1824 г. Детловъ велъ съ своей невѣстой очень оживленную переписку, всю сохранившуюся. Дѣлаю изъ нея нѣсколько выписокъ:

(Письмо 20-го апрѣля). „Передѣлка нашей будущей квартиры подвигается. Мои люди работали усердно и я велѣлъ дать имъ по большому стакану вина, желая, чтобы и они хоть на нѣсколько часовъ были счастливы и забыли свою тяжелую судьбу".

(24 апрѣля). „Посѣти, пожалуйста, Л—ко! Несчастные (Л—ко былъ бѣденъ) всегда думаютъ, что ими пренебрегаютъ, хотя бы никому и въ голову не приходило пренебрегать. Это просто какая-то горечь, возбужденная превратностями судьбы. Я поставилъ себѣ святымъ правиломъ всегда оказывать страждущимъ болѣе вѣжливости и почтенія, чѣмъ тѣмъ, которымъ счастіе покровительствуетъ".

(26 апрѣля). „Провелъ безсонную ночь, благодаря вчерашнимъ непріятностямъ по службѣ. Сердце мое неспособно быть жестокимъ, а тутъ приходится прибѣгать къ жестокости, чтобы оградить себя".

(1-го мая). „Господи, что за безпокойный день! Это ужаснѣйшее рабство! Графъ пріѣхалъ сегодня... Не могу дальше писать, — желчь разливается! Никогда не считалъ себя способнымъ ненавидѣть! До завтра".

(2-го мая). „Безъ твоей любви жизнь стала бы невыносимою. Кажется я уже давно въ Россіи, можно бы привыкнуть, но не могу покорить своихъ ощущеній: непріятное слово, слово, задѣвающее мою честь, мучитъ меня сумрачными мыслями цѣлые дни. А тутъ необходимо привыкнуть къ этому: грубость повторяется такъ часто и никого не обходитъ! Ахъ! Лучше и не думать..."

„Сперва графъ поздравилъ меня женихомъ; потомъ посовѣтывалъ, зна-

читъ приказалъ, обождать со свадьбой до проѣзда государя, котораго мы ожидаемъ сюда 24 іюня, и позволилъ по воскресеньямъ ѣздить иногда къ тебѣ. Но сейчасъ же раскаялся въ этомъ снисхожденіи и прибавилъ, что когда захочу ѣхать, то могу обратиться къ нему за разрѣшеніемъ".

(18 іюня). „Ты находишь, что я мало пишу тебѣ. Если-бъ нашъ графъ зналъ, что я пишу тебѣ каждую почту, то мнѣ навѣрно пришлось бы услышать такое замѣчаніе: „вы, сударь, занимаетесь болѣе любовными письмами, чѣмъ дѣлами". Въ его сердцѣ никогда не жила благородная любовь. Впрочемъ оставимъ его въ покоѣ, забудемъ его страсть: никому не доставлять радостей".

Я думаю эти выписки достаточно показываютъ, что, служа въ Аракчеевщинѣ, Детловъ остался человѣкомъ. Аракчееву, вѣроятно, не понравилась уже самая просьба о разрѣшеніи жениться: онъ хотѣлъ, чтобы люди всецѣло отдавались его дѣлу, службѣ, ни о чемъ другомъ даже не думали. Разрѣшеніе, однако, было дано, хоть и съ кислой миной и съ отсрочкою дня свадьбы. Но не прошелъ еще медовой мѣсяцъ, какъ пришлось почувствовать тяжелую руку временщика.

III [1]).

17 іюля 1824 г., въ 3 часа дня, произошелъ въ штабѣ Аракчеевскаго полка во флигелѣ учебнаго баталіона незначительный пожаръ, тотчасъ же потушенный. На рапортѣ командира полка, извѣстнаго Фрикена, Аракчеевъ 22 іюля пишетъ резолюцію: «Назначить комиссію, изслѣдовать, кто виновенъ въ оном упущеніи, что труба столь близко была у балки. Комиссіи сей быть изъ г-лъ м-въ Эйлера, Воронова, полковн. Фрикена и проч. Нужное».

28 іюля уже составленъ журналъ комиссіи, которая нашла, что пожаръ произошелъ потому, что труба камина изъ погребного этажа, гдѣ помѣщалась столярная (камина, спеціально устроеннаго, первоначально, для варки клея) проведена слишкомъ близко отъ балки. «Хотя изъ объясненій маіора Детлова видно, что онъ сдѣлалъ сіе упущеніе, избѣгая ломки уже оштукатуренныхъ стѣнъ и потолка, и въ томъ предположеніи, что въ каминѣ погребного этажа огонь никогда не

---

[1]) Эта глава составлена по подлинному военно-судному дѣлу штаба отд. корпуса воен. поселеній 1824 г. № 664, которое хранится теперь въ Архивѣ бывш. воен. поселеній (С.-Петербургъ, Знаменская ул., № 55). Въ томъ же переплетѣ дѣло объ унт.-оф. Колесниковѣ „отличнаго поведенія", дѣлавшаго походы 1812—1815 гг., бѣжавшаго единственно отъ нежеланія служить въ батальонахъ, находившихся на работахъ въ воен. поселеніяхъ. Резолюція суда: „повѣсить". Смягчена Аракчеевымъ: „прогнать черезъ 500 чел. четыре раза".

К. Д.

будетъ въ такой степени силы, чтобы могъ разгорячить раздѣлку на высотѣ до 10 аршинъ отъ топки камина», — но комиссія нашла его, тѣмъ не менѣе, виновнымъ въ неправильномъ размѣщеніи трубъ и полагала произвести передѣлку печей и обгорѣвшей балки на счетъ маіора Детлова и сдѣлать ему строгій выговоръ.

Тѣмъ бы, вѣроятно, дѣло и кончилось, если бы, случайно, въ то же время не примѣшалось другое обстоятельство. 21 іюля Аракчеевъ, пріѣхавъ въ «штабъ», между прочимъ, словесно приказалъ Детлову отправиться «въ первое свободное время» (мы видѣли выше сколько, служа у него, оставалось этого свободнаго времени) въ Царское Село для снятія детальныхъ чертежей съ тамошней фермы, для отдѣлки по онымъ внутренняго расположенія скотнаго двора, который строился въ Аракчеевскомъ полку.

Въ тотъ же день Детловъ подалъ Аракчееву докладную записку, прося выдать прогоны и подорожную. На этой запискѣ резолюція начальника штаба Клейнмихеля, 23 іюля: «подорожную дать, а прогоны употребить изъ свопхъ, кои и будутъ возвращены». Вѣроятно, что разъ издержанные «изъ своихъ» прогоны не легко возвращались, а потому, не удовольствовавшись рѣшеніемъ Клейнмихеля, Детловъ 24 іюля подалъ записку въ экономическій комитетъ съ тою же просьбою о прогонахъ. Предсѣдатель, полковникъ Мевесъ, отказалъ «по неимѣнію суммы и по запрещенію графа выдавать прогоны изъ суммы, имѣемой на мелочной расходъ». 25 іюля Детловъ подаетъ вторую записку Клейнмихелю съ просьбою «по неимѣнію въ наличности собственныхъ денегъ выдать прогоны». Не получивъ ни отвѣта, ни прогоновъ, Детловъ прождалъ до 2 августа, поѣхалъ, наконецъ, на свои деньги (которые, дѣйствительно, никогда не были возвращены) и снялъ чертежи. Нашлись доброжелатели, сообщившіе Аракчееву объ этомъ промедленіи въ смыслѣ строптивости и «вольнодумства.

Журналъ комиссіи, разслѣдовавшей пожаръ, лежитъ, между тѣмъ, у Аракчеева (или въ штабѣ, у Клейнмихеля) цѣлый мѣсяцъ безъ движенія, съ 28-го іюля по 29-е августа. Въ этотъ день Аракчеевъ пишетъ на рапортѣ генерала Эйлера, при которомъ представленъ ему журналъ: «предать военному суду маіора Детлова съ исправленіемъ должности», а на самомъ журналѣ дѣлаетъ надпись: «доложено государю, г. Ст. Русса, 29 августа 1824 г.».

Въ тотъ же день отдается приказъ по корпусу воен. поселеній (№ 283), въ которомъ сперва прописано дѣло о пожарѣ, доложенное государю, а потомъ сказано:

„Вслѣдствіе того предписываю инж.-маіора Детлова какъ за сіе, такъ и за ослушаніе отданнаго мною ему лично приказанія съѣздить въ г. Царское Село для осмотра тамошней фермы, чего онъ не исполнилъ, принося въ

оправданіе многія неосновательныя отговорки,—предать суду и т. д. Судъ сей учредить въ полковомъ штабѣ гренадерскаго графа Аракчеева полка. Прейзусомъ въ комиссію военнаго суда назначаю полковника Шварца [1]), а прочихъ членовъ и аудитора изъ полка графа Аракчеева".

16 сентября начался судъ, 7 октября уже объявлена сентенція, которою маіоръ Детловъ найденъ виновнымъ:

1-е, въ случившемся пожарѣ, о коемъ подсудимый въ объясненіяхъ своихъ противъ донесенія слѣдственной комиссіи, обвиняющей его въ томъ, главнѣйше оправдываетъ себя тѣмъ, что при порученіи ему строенія флигеля не имѣлъ тогда еще опытности и достаточныхъ свѣдѣній по части гражданской архитектуры, и что при проведеніи 5 дымовыхъ трубъ между балокъ, полагаясь на принятыя имъ мѣры осторожности отъ теплоты (обмазка глиною), не предвидѣлъ въ томъ никакой опасности и считалъ излишнимъ перемѣнять направленіе онымъ трубамъ и разбирать для того оштукатуренную стѣну,—но сіи причины не могутъ быть уважительными, ибо онъ непремѣнно долженъ былъ соображаться съ общими правилами, наблюдаемыми при проведеніи дымовыхъ трубъ; если же считалъ нужнымъ отступить отъ нихъ, то обязанъ былъ представить объ этомъ на разрѣшеніе начальству. Во 2-хъ, въ ослушаніи приказанія главнаго надъ военнымъ поселеніемъ начальника съѣздить въ Царское Село для осмотра фермы. Подсудимый объяснилъ, что несвоевременное исполненіе имъ приказанія сего произошло главнѣйше по непмѣнію, будто бы, тогда у него денегъ и полагалъ возможнымъ отложить поѣздку въ Царское Село до другого свободнаго времени, что и исполнилъ вмѣсто 26 іюля уже 2 августа, занявши у маіора Кохіуса на прогоны 50 руб.; притомъ же ему нужно было, по приказанію ген.-маіора Эйлера, явиться въ комиссію, производившую слѣдствіе о случившемся пожарѣ. Объясненіе сіе признается военнымъ судомъ вовсе неосновательнымъ. Во 1-хъ, приказаніе главнаго начальника обязанъ онъ былъ въ точности исполнить безъ всякихъ отговорокъ въ повелѣнное время безъ отлагательства; во 2-хъ, сумма на прогоны ему требовалась самая незначительная, которую во всякое время могъ достать, ибо если онъ нашелъ способъ извороться въ прогонныхъ деньгахъ ко 2-му августу, то сей же самый способъ могъ имѣть и къ 26-му іюля, тѣмъ болѣе, что приказаніе ему отъ главнаго начальника объявлено было еще за 5 дней, т. е. 21 числа и деньги сіи получилъ бы онъ отъ казны по возвращеніи изъ Царскаго Села, какъ о семъ сказано было ему и въ предписаніи начальника штаба; въ 3-хъ, требованіе подсудимаго Детлова въ слѣдственную комиссію никакъ не могло остановить его отъ своевременнаго исполненія приказанія главнаго начальника, ибо приказаніе сіе онъ долженъ былъ исполнить 26—27-го чиселъ (отъ штаба до Царскаго Села, кажется, было 100 в.), а въ комиссію требовался 28-го числа. А потому судъ, находя маіора Детлова виновнымъ по означеннымъ 2-мъ предметамъ: первому—въ самопроизвольномъ отступленіи отъ общихъ правилъ, наблюдаемыхъ при проведеніи дымовыхъ трубъ,—чѣмъ и былъ причиною случившагося пожара, и по второму—въ ослушаніи приказанія главнаго начальника, чрезъ несвоевре-

[1]) Кажется, это знаменитый бывшій командиръ л.-гв. Семеновскаго полка, виновникъ гибели его въ 1820 году. К. Д.

менное исполненіе онаго по своей безпечности и небрежной медленности, приговорилъ: согласно войск. сухопутн. устава, къ 28 артикулу, подсудимый инженеръ-маіоръ Детловъ имѣетъ по состоянію и важности дѣла отъ службы либо весьма или на довольное время отставленъ быть и по вся разы, на сколько времени онъ отставится, за рядового служить. Сей приговоръ въ присутствіи комиссіи суда подсудимому объявленъ.

А артикулъ 28 говоритъ:

„Буде же кто отъ лѣности, глупости или медленія, однако же безъ упрямства, злости и умыслу оное не управитъ, что ему отъ его начальника повелѣно: оный имѣетъ по состоянію“ и проч.

Директоръ работъ, генералъ-маіоръ Вороновъ (заступившій мѣсто Фабра) 8 окт. представляетъ все судное дѣло на утвержденіе Аракчеева съ своимъ мнѣніемъ, гдѣ полагалъ:

„Что хотя маіоръ Детловъ и подлежитъ наказанію по приговору комиссіи согласно 28 арт. воен. устава, но принявъ въ уваженіе прежнюю безпорочную его службу, признаю достаточнымъ въ примѣръ другимъ за нерадивое выполненіе приказанія главнаго начальства арестовать маіора Детлова на одинъ мѣсяцъ съ содержаніемъ на гауптвахтѣ и штрафъ сей внести въ формулярный его списокъ, а сверхъ того взыскать съ него тѣ издержки, кои были употреблены на исправленіе поврежденнаго пожаромъ во флигелѣ учебнаго баталіона, и за таковое упущеніе въ производствѣ работъ сдѣлать ему строжайшій выговоръ въ приказѣ“.

Вороновъ, видно, не находилъ виновнымъ Детлова въ пожарѣ, за который онъ, собственно, судился и говоритъ только о нерадивомъ выполненіи приказанія гл. начальства. Но Аракчеевъ не шутилъ и сотни людей уже пострадали за мнимыя вины. 27 окт. Детловъ написалъ ему слѣдующее письмо:

„Простите великодушно, ваше сіятельство, сокрушенному, дерзающему васъ обременить сими строками. На краю бѣдствія, до коего моя неопытность меня довела, остается моя послѣдняя надежда: великодушіе в. с—ва.

Послѣ 13-лѣтней вѣрноподданной, безпорочной службы е. и. в. всемилостивѣйшему государю, въ теченіи коей 7 лѣтъ имѣлъ счастіе служить подъ начальствомъ в. с—ва, я сдѣлалъ проступокъ единственно отъ неопытности, недоумѣнія и недостатка въ способѣ, покрывающій меня стыдомъ и поношеніемъ.

Понятіе о неповиновеніи такъ чуждо какъ разсудку, такъ и положенію моему, что я никогда не дерзнулъ объ ономъ помышлять. Будучи иностранцемъ, не имѣющимъ никакихъ способовъ, вступилъ я въ службу е. и. в. и что я въ теченіи оной достигъ—обязанъ единственно в. с—ву.

Увѣренный, что моя участь, мое бытіе зависитъ отъ воли в. с—ва, я съ усердіемъ сносилъ труды и надѣялся въ награду сего: составить счастіе свое и престарѣлыхъ моихъ родителей, коихъ единственная подпора и надежда я есмь. И я,—коему вы единожды были благодѣтелемъ, я бы могъ

дерзнуть не повиноваться вашимъ повелѣніямъ? Повелѣніямъ друга и перваго министра величайшаго монарха въ Европѣ? Всевышній тому будетъ свидѣтель, что я всегда имѣлъ истинное желаніе въ точности выполнить волю моего начальства, а единственно моя неопытность и недоумѣнія сдѣлали меня преступникомъ. Если же я достоинъ наказанія, то предаюсь волѣ в. с—ва. Участь моя въ рукахъ вашихъ и осмѣливаюсь только испрашивать одной милости: не лишить меня чести моей, до сего безпорочной и службы, она есть единственное богатство, которое я въ теченіи 13-ти лѣтъ успѣлъ пріобрѣсть; я очень чувствую какъ несносна жизнь, когда честное имя поношено.

Извлеченъ будучи новымъ доказательствомъ милолердія в. с—ва изъ бѣдственнаго моего положенія, съ неограниченнымъ усердіемъ буду я служить въ утѣшительной надеждѣ, что в. с-во со временемъ изволите увѣриться, сколь тщился я быть достоинъ милости в. с—ва, которой осмѣливаюсь себя поручить, имѣю счастіе съ высокопочитаніемъ" и проч.

Аракчеевъ пишетъ на этомъ вполнѣ частномъ, тепломъ, дышащемъ правдою и горемъ, письмѣ: «присоединить къ дѣлу». Новое оскорбленіе и униженіе: пусть всѣ знаютъ, какъ я тебя придавилъ и какъ ты трепещешь. Въ письмѣ вовсе не говорится о пожарѣ, который, очевидно, былъ только предлогомъ для отдачи подъ судъ.

Наконецъ 7 ноября Аракчеевъ кладетъ резолюцію:

„Во вниманіе того, что онъ съ начала устройства и постройки перваго штаба находился въ оной должности, то арестовать его на недѣлю съ содержаніемъ на гауптвахтѣ и взыскать 50 р. съ его жалованья и бытіе сіе подъ судомъ и сей штрафъ внести въ формулярный списокъ и отдать обо всемъ оному по корпусу въ приказѣ. 7 ноября 1824 г. Графъ Аракчеевъ".

Я не нахожу нужнымъ сказать что либо въ оправданіе моего отца по этому осужденію, тяготѣвшему надъ нимъ 9 лѣтъ, до 1833 г., когда штрафъ былъ вымаранъ изъ формуляра въ видѣ награды. Факты говорятъ сами, а судъ подъ предсѣдательствомъ Шварца была одна формальность и не могъ имѣть мужества оправдать невиннаго. Тутъ дѣйствовали какія то постороннія вліянія, враждебныя Детлову, который подозрѣвалъ Клейнмихеля. Но Аракчееву, кажется, стало совѣстно. Онъ дулся еще до іюля 1825 г., а потомъ перемѣнилъ обращеніе на старое. «Я уже не «вольнодумецъ», пишетъ Детловъ 17 іюля женѣ своей въ Петербургъ, а опять Карлъ Федоровичъ».

Между тѣмъ постройка штаба приближалась къ концу и Детлову предстояло получить новое назначеніе. Аракчеевъ, бывшій въ это время на зенитѣ власти и вліянія, предложилъ ему, 17-го іюля, словесно, остаться у него въ поселеніи «при ремонтныхъ работахъ». Детловъ, не колеблясь, вѣжливо, но рѣшительно отклонилъ это предложеніе. Аракчеевъ промолчалъ... и 25 августа Детлову былъ пожалованъ «за отличіе по службѣ» брильянтовый перстень.

IV.

Въ сентябрѣ 1825 г. случилось извѣстное происшествіе: въ Грузинѣ была зарѣзана любовница и экономка Аракчеева, Настасья Минкина. Извѣстенъ также звѣрскій розыскъ Аракчеева послѣ этого происшествія, розыскъ, передъ которымъ блѣднѣютъ даже ужасы святой инквизиціи и Преображенскаго приказа. Въ ноябрѣ того же года скончался императоръ Александръ I, 14-го декабря вступилъ на престолъ Николай I и безпримѣрная власть Аракчеева разомъ прекратилась: онъ остался только начальникомъ военныхъ поселеній.

И вотъ безъ всякаго напоминанія со стороны Детлова, который вообще никогда, никого, ни о чемъ не просилъ, Аракчеевъ, собираясь уже сложить съ себя и эту должность, входитъ 28-го февраля 1826 г. къ новому государю съ такимъ докладомъ:

Въ Бозѣ почивающему государю императору Александру Павловичу благоугодно было предположить, чтобы по совершенномъ окончаніи отстройки каждаго изъ полковыхъ штабовъ поселенныхъ полковъ производителю работъ онаго, въ воздаяніе понесенныхъ имъ трудовъ, въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ, и для поощренія въ примѣръ прочимъ, назначать пожизненный пенсіонъ по двѣ тысячи рублей въ годъ.

Въ округѣ военнаго поселенія гренадерскаго графа Аракчеева полка строеніе полкового штаба нынѣ совершенно отдѣлкою оканчивается, и большая часть онаго поступила уже на ремонтное содержаніе.

Производителемъ работъ по строенію сего штаба находился инженеръ-маіоръ Детловъ, и теперь съ окончаніемъ онаго долженъ получить другое назначеніе.

Основываясь на предположеніи покойнаго императора Александра Павловича и будучи доволенъ службою инженеръ-маіора Детлова и тѣмъ усердіемъ, съ коимъ онъ въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ по званію производителя работъ занимался, я осмѣливаюсь испрашивать высочайшаго вашего императорскаго величества повелѣнія о всемилостивѣйшемъ пожалованіи ему по смерть пенсіона по двѣ тысячи рублей въ годъ изъ суммъ военнаго поселенія съ тѣмъ, чтобы онъ симъ пенсіономъ пользовался доколѣ находиться будетъ при военномъ поселеніи, сверхъ жалованья, имъ получаемаго; есть-ли же оставитъ службу по военному поселенію, то производство пенсіона сего входитъ въ общій о пенсіонахъ законъ.

По званію главнаго надъ военными поселеніями начальника имѣю обязанность испрашивать сей милости, дабы каждый производитель работъ полкового штаба, имѣя въ виду таковую награду, усугубилъ стараніе свое въ возведеніи порученнаго ему строенія и имѣлъ попеченіе о скорѣйшемъ его окончаніи. Отъ окончанія строеній полкового штаба зависитъ и главное устройство поселеннаго полка [1]).

---

[1]) Г. Суворинъ издалъ въ 1882 году сочиненіе г. Н. Богуславскаго подъ заманчивымъ заглавіемъ „Аракчеевщина“. Это нѣсколько отдѣльныхъ по-

Государь кладетъ резолюцію на этомъ докладѣ не тотчасъ, а только черезъ двѣ недѣли, 15-го марта. Аракчеевъ былъ въ это время въ Грузинѣ и, получивъ рескриптъ, утвердившій докладъ, тотчасъ же, 17-го марта, послалъ Детлову засвидѣтельствованную имъ лично копію съ рескрипта при собственноручной запискѣ:

„Препровождаю къ вамъ Карла Федоровичъ, копію съ Указа, изъ коего вы увидите, что я слово свое здержалъ; а васъ съ онымъ вѣрнымъ кускомъ хлѣба поздравляю, вашъ покорный слуга Г. Аракчеевъ. Г. М. Детлову“ [1]).

На конвертѣ послѣ адреса рукою Аракчеева приписано: «въ собственные руки» и «нужное».

Еще до полученія этого высочайшаго указа, но послѣ доклада испрашиваемой въ немъ награды, маіоръ Детловъ получилъ отъ Аракчеева слѣдующее собственноручное же письмо, не мало, вѣроятно, его удивившее:

„М. Г. Карла Федоровичъ, много наслышавшись о порядкѣ въ домѣ вашемъ, заведенномъ почтенною вашею супругою, я рѣшился просить васъ, дабы вы приняли на себя трудъ, попросили Милостивую Государыню Александру Исаіевну здѣлать мнѣ одолженіе, принять въ вашъ домъ мою дворовую дѣвку, Прасковью Григорьеву, на цѣлый годъ для пріучепія ее въ хорошіе прачки, дабы она могла содержать со временемъ мое бѣлье и могла бы оное починивать.

Сколько же нужно па ее годовое содержаніе какъ за кушанье, такъ на платье и на обувь, то прошу прислать ко мнѣ въ Грузино записку, то я съ моею благодарностью оные деньги немедленно къ вамъ доставлю.

вѣстей, большею частью написанныхъ еще въ началѣ шестидесятыхъ годовъ (не знаю, были ли онѣ прежде напечатаны), въ которыхъ историческія данныя перемѣшаны съ неостроумными фантазіями и безцвѣтными впечатлѣніями автора. Вмѣсто того, чтобы изучать аракчеевщину въ историческихъ журналахъ послѣднихъ лѣтъ и въ богатомъ архивѣ военныхъ поселеній въ С.-Петербургѣ, г. Богуславскій покупалъ въ Новгородской губерніи брошенныя книжки старыхъ поселенныхъ комитетовъ, сохранившіяся у писарей и, между прочимъ, говоритъ о бывшемъ штабѣ Аракчеевскаго полка (стр. 381):

„Оно немудрено, что постройки имѣютъ такой привлекательный видъ; а чудно то, что онѣ до сихъ поръ не развалились. Главные строители не имѣли и понятія объ инженерномъ искусствѣ“ и т. д.

Видно имѣли, если зданія красивы и до сихъ поръ прочны и крѣпки?

Г. Богуславскій невѣрно даже выписываетъ изъ своихъ книжекъ. На стр. 386 онъ цитируетъ приказъ отъ 10 марта 1827 г. о нарядѣ войскъ на работы въ округъ графа Аракчеева полка и называетъ инженеръ-капитана Детлова. Въ 1827 г. отецъ мой былъ уже подполковникомъ и жилъ въ Ярославлѣ; всѣ постройки въ Аракчеевскомъ полку были окончены, какъ мы видѣли, еще въ началѣ 1826 г. и потому такой приказъ не могъ быть отданнымъ въ 1827 г.

[1]) Сохраняется орѳографія подлинниковъ. К. Д.

Посылаемая девка хорошаго поведенія и ни в чемъ дурномъ незамечена, но не худо содержать в строгости и никуда изъ дому не отпускать. Я прошу на сіе письмо вашего отвѣта ко мнѣ в Грузино.

Съ истиннымъ почтеніемъ пребуду вашъ покорный слуга Г. Аракчеевъ".

С.-Петербургъ,
11 марта 1826 г.

Письмо это очень характерно и рисуетъ личность Аракчеева въ частной жизни во всей ея мелочности и пошлости. Онъ представляетъ своего подчиненнаго къ «вѣрному куску хлѣба», и вмѣстѣ съ тѣмъ, по понятіямъ нашего времени, просто беретъ съ него взятку, настойчиво вводя къ нему въ домъ для обученія, разумѣется, даровую свою Прасковью Григорьеву,—возлагая, нѣкоторымъ образомъ, даже отвѣтственность за ея нравственность. Замѣчательно различіе между изысканно вѣжливою просьбою въ началѣ письма и концемъ его, гдѣ (вѣроятно одновременно съ письмомъ), не ожидая согласія на просьбу, «посылается» уже и будущая прачка.

24-го марта Аракчеевъ отдаетъ приказъ № 106 о пожалованіи Детлову пожизненнаго пенсіона, къ которому приложенъ весь докладъ государю, «дабы гг. производители работъ видѣли, что отъ нихъ требуется лишь постоянное усердіе и что усердіе сіе вознаграждается постоянною и значущею наградою».

Такимъ образомъ человѣкъ, найденный судомъ виновнымъ въ небрежномъ производствѣ постройки и достойнымъ разжалованья, формуляръ котораго былъ запачканъ, — спустя полтора года тѣмъ же Аракчеевымъ, который отдалъ его подъ судъ, за тѣ же постройки, находится достойнымъ крупной, необычайной награды. Чѣмъ объяснить такую перемѣну: угрызеніемъ-ли совѣсти или простою справедливостью,—наградою, дѣйствительно обѣщанною и вполнѣ заслуженною?

Лѣтомъ 1826 г. Аракчеевъ сдалъ начальство надъ военными поселеніями и уѣхалъ заграницу лечиться, предварительно, вѣроятно, сдѣлавъ представленіе о новой наградѣ Детлову, такъ какъ 23-го августа этого года онъ былъ произведенъ въ подполковники.

Такъ кончились отношенія Детлова къ Аракчееву. Послѣ удаленія Аракчеева отъ всѣхъ дѣлъ онъ, однако, нѣсколько разъ посѣтилъ его въ Грузинѣ (между 1828 и 1834 г.) и былъ ласково принятъ какъ пріятный гость.

Кто же былъ Аракчеевъ? спрашиваетъ г. Богуславскій (въ названной нами книгѣ «Аракчеевщина», стр. 5) и отвѣчаетъ:

„Замѣчательный человѣкъ только не по уму и способностямъ, а по усердію и трудолюбію, по холодности и жестокости, по отсутствію мысли въ дѣйствіяхъ, по привязанности къ формамъ и внѣшности".

Я думаю, что почти противуположный отзывъ о немъ Е. Ѳ. фонъ Брадке гораздо вѣрнѣе. Онъ говоритъ («Русскій Архивъ» 1875 г., кн. 1, стр. 47):

„Что Аракчеевъ былъ человѣкъ необыкновенныхъ способностей и дарованій, едва ли можетъ быть подвержено сомнѣнію со стороны тѣхъ лицъ, кто его хоть нѣсколько зналъ и кто не увлекался безусловно своими предубѣжденіями. Быстро охватывая предметъ, онъ въ то же время не лишенъ былъ глубины мышленія, когда самъ того желалъ и когда она не вовлекала его въ противорѣчія съ предвзятыми его намѣреніями".

„Ему казалось, что онъ стоялъ одинокимъ, что его высота была умственно-недосягаема, и съ этого воображаемаго величія взиралъ онъ на бѣдное человѣчество и пользовался его слабостями и страстями для достиженія своей цѣли и для успленія своего безгранично возраставшаго самолюбія. Поистинѣ рѣдкая и строго направленная дѣятельность, необыкновенная правильность въ распредѣленіи времени и воздержаніе отъ безмѣрнаго пользованія плотскими наслажденіями,—давали ему очевидную возможность совершать болѣе того, что могло быть сдѣлано обыкновеннымъ путемъ и служили въ его безстрѣнчивой рукѣ бичемъ для всѣхъ его подчиненныхъ".

V.

Окончивъ постройку «штаба», Детловъ былъ командированъ Клеймихелемъ, неблаговолившемъ къ нему за что-то, въ г. Ярославль, гдѣ провелъ лѣто 1827, 1828 и 1829 годовъ, занимаясь исправленіемъ казармъ тамошняго батальона военныхъ кантонистовъ. Зимою онъ работалъ въ штабѣ военныхъ поселеній въ Петербургѣ. Такое незначительное занятіе, притомъ сопряженное съ безконечными проволочками и пререканіями съ гражданскимъ вѣдомствомъ (которому не позволялось грѣть руки), съ постоянными разъѣздами, обременительными для семейнаго человѣка,—очень тяготило его. Въ письмахъ къ женѣ онъ нѣсколько разъ высказываетъ желаніе, окончивъ дѣло въ Ярославлѣ, просить Клеймихеля о службѣ постоянной и опредѣленной, соотвѣтствующей его чину и положенію, а въ случаѣ отказа — оставить военныя поселенія и возвратиться къ своей спеціальности—въ вѣдомство путей сообщенія. 19-го сентября 1829 г. желаніе его, наконецъ, сбылось назначеніемъ, по высочайшему повѣлѣнію, корпуснымъ инженеромъ 2-го резервнаго кавалерійскаго корпуса, расположеннаго въ военныхъ поселеніяхъ Харьковской губерніи.

Въ это время постигло его семейное горе: Александра Исакіевна послѣ продолжительной болѣзни скончалась 26-го января 1830 года, оставивъ дочь [1]). Похоронивъ молодую жену въ с. Скворицы, близъ

[1]) Нынѣ Александра Карловна Юргенсенъ, рожд. Детлова, жена пастора гатчинской лютеранской церкви. К. Д.

Гатчины (гдѣ она и родилась, такъ какъ отецъ ея былъ тамъ пасторомъ),—Детловъ поѣхалъ на югъ, въ Чугуевъ, и въ маѣ принялся за новую службу.

Чугуевъ,—хорошенькій, чистенькій городокъ на возвышенномъ правомъ берегу Донца съ прямыми, широкими улицами, обставленными каменными домами, крытыми черепицею и желѣзомъ, нынѣ начинающими терять свое поселенское однообразіе. Центръ его составляетъ обширная площадь съ громаднымъ, 3-хъ-этажнымъ зданіемъ, въ которомъ теперь помѣщается пѣхотное юнкерское училище. Тутъ же, съ другой стороны, ютится скромный одноэтажный, деревянный, царскій дворецъ съ большимъ садомъ, изъ котораго открывается прелестный видъ на низменныя, лѣсистыя окрестности города, прорѣзанныя рѣкою. Съ 1818 года, послѣ изгнанія почти сплою около сотни разныхъ обывателей-старожиловъ неподатнаго состоянія, и послѣ кроваваго усмиренія Аракчеевымъ лично чугуевцевъ, нежелавшихъ подчиниться благодѣяніямъ военныхъ поселеній [1]), здѣсь было сосредоточено управленіе всѣми весьма многочисленными военными поселеніями, въ которыхъ квартировала кавалерія: уланскіе и кирасирскіе полки.

Начался послѣдній въ нравственномъ отношеніи самый спокойный періодъ дѣятельности Карла Федоровича. Между прямымъ его начальникомъ, командиромъ корпуса, старымъ графомъ Алексѣемъ Петровичемъ Никитинымъ, человѣкомъ простымъ, иногда взбалмошнымъ, но не злымъ, всѣмъ говорившемъ «ты», но не позволявшимъ себѣ дерзостей съ людьми, которыхъ чувствовалъ выше себя по уму, образованію и неуязвимыхъ съ служебной стороны,—и молодымъ, сравнительно, полковникомъ (былъ произведенъ 6-го декабря 1830 г.) сразу установились вполнѣ хорошія отношенія. Южныя военныя поселенія не были

---

[1]) Подробности см. въ книгѣ: „Графъ Аракчеевъ и военныя поселенія, 1809—1831 гг.". Изданіе „Русской Старины" 1871 г., стр. 151.

Мнѣ случилось еще въ 1859 г. разсказывать въ Варшавѣ одному французскому инженеру, по фамиліи Vinot, эту ужасную чугуевскую драму, описанную тогда въ „Колоколѣ" Герцена. Будучи всегда вольными, чугуевцы отказались косить даромъ казенные луга. Судъ приговорилъ 275 человѣкъ къ смерти. Аракчеевъ замѣнилъ для 40 главныхъ виновныхъ смерть быструю на смерть медленную, ужасную—12,000 шпицрутеновъ каждому. Передъ экзекуціей, 18 августа 1819 г., Аракчеевъ обѣщалъ имъ прощеніе, если покорятся. Почти всѣ отвергли это и умерли... Французъ, только что пріѣхавшій, не хотѣлъ вѣрить возможности существованія въ русскихъ простолюдинахъ такого героизма. Наконецъ, онъ воскликнулъ: „какое же можетъ быть сомнѣніе въ великой будущности государства, граждане котораго умѣютъ такъ умирать за то, что считаютъ своимъ правомъ! Этотъ неизвѣстный подвигъ гораздо выше прославленнаго подвига Леонида и его спартанцевъ въ Ѳермопилахъ!" К. Д.

тогда окончены устройствомъ и работы еще продолжались, притомъ работы разбросанныя на сотни верстъ. Въ самомъ Чугуевѣ строился соборъ, военный госпиталь, гостинный дворъ и, главное, мостъ черезъ р. Донецъ съ большими спусками къ нему. Капитальное сооруженіе это, оконченное въ 1834 г., къ сожалѣнію погибло въ 1861 г. во время сильнаго разлива Донца. Выше моста была смыта тогда большая деревянная мельница, которую понесло водою и ударило о мостъ. Мостъ не выдержалъ удара и разрушился. До сихъ поръ торчитъ нѣсколько уцѣлѣвшихъ свай и возвышаются колоссальныя насыпи, напоминая переправляющемуся въ разливъ на паромѣ путнику, что не все было хуже при военныхъ поселеніяхъ.

При постройкѣ собора въ Чугуевѣ Детловъ едва не вышелъ въ отставку. Графъ Никитинъ отдалъ какія-то приказанія, противорѣчащія его мнѣнію. Довольно продолжительное и подъ конецъ громкое со стороны графа объясненіе на мѣстѣ постройки не привело къ соглашенію. Карлъ Федоровичъ въ тотъ же день подалъ въ отставку и рапортовался больнымъ. Черезъ два дня графъ пріѣхалъ къ нему въ домъ, произошло объясненіе въ кабинетѣ, графъ взялъ назадъ свое требованіе, а Карлъ Федоровичъ свою отставку,—и добрыя отношенія навсегда возстановились.

Во всѣхъ харьковскихъ военныхъ поселеніяхъ пришлось Детлову воздвигнуть десятки церквей, манежей, казармъ, мостовъ и т. п. сооруженій, которыя служатъ здѣсь памятниками его десятилѣтней дѣятельности. Кромѣ того онъ возвелъ нѣсколько частныхъ зданій: напр. усадьбу въ г. Бурлукѣ для генерала В. Д. Задонскаго, большой флигель на Сабуровой дачѣ, близь Харькова и т. д. Замѣчательно, что, производя всѣ эти постройки, онъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи только одного спеціалиста, архитектора Шрейбера. Остальные его помощники были простые чертежники изъ кантонистовъ, которыхъ онъ самъ образовалъ (гг. Колодежный, Мартыненко и другіе). Теперь, когда новыхъ построекъ вовсе не производится, а все дѣло въ ремонтѣ старыхъ, которыхъ тоже стало меньше за передачею дорогъ земству и за продажею многихъ домовъ въ частныя руки, начальникъ чугуевской инженерной дистанціи имѣетъ въ своемъ распоряженіи трехъ инженерныхъ офицеровъ. Но кромѣ работъ, лежавшихъ на прямой его обязанности, Клейнмихель возлагалъ на Детлова и разныя особыя порученія. Такъ, въ 1836 г., онъ былъ вызванъ въ Петербургъ и прожилъ тамъ четыре мѣсяца, работая надъ планомъ орловскаго кадетскаго корпуса, который былъ утвержденъ государемъ, а составитель награжденъ орденомъ Владиміра 3-й ст. Самая постройка корпуса была поручена другому лицу. Въ 1839 г. былъ вызванъ вторично въ

Петербургъ и ѣздилъ вслѣдъ затѣмъ въ Ростовъ на Дону для осмотра тамошнихъ казенныхъ зданій.

21-го октября 1834 г. Карлъ Федоровичъ женился вторично на Антуанетѣ Антоновнѣ Майеръ, дочери инспектора харьковской врачебной управы, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Антона Эмануиловича Майера,—моей покойной матери.

Внѣ служебныхъ занятій жизнь въ Чугуевѣ представляла въ то время много пріятнаго. Это не была уже новгородская каторга 1818—1825 годовъ. Кавалерійскіе полки были наполнены зажиточными дворянами и въ Чугуевѣ жилось весело. Устраивались часто балы и вечера. Кромѣ того тутъ былъ тѣсный кружокъ образованныхъ семей: генераловъ Сиверса, Воина Дмитріевича Задонскаго, Александра Ивановича Лизогуба (партизана 1812 г., женатаго на Елизаветѣ Андреевнѣ Жерве, которая жива доселѣ), генерала Линдгрена, полковника Александра Григорьевича Розаліонъ-Сашальскаго и другіе. Изъ многочисленной молодежи, имѣвшей доступъ въ этотъ кружокъ, упомяну объ уланскомъ поручикѣ Афанасьевѣ-Чужбинскомъ, впослѣдствіи извѣстномъ писателѣ, адъютантахъ Ефимѣ Васильевичѣ Голубинѣ (живетъ на покоѣ въ Москвѣ) и покойномъ Колокольцовѣ (бывшемъ потомъ витебскимъ губернаторомъ) и проч. Многія лица этого кружка были молоды въ первыя двадцать лѣтъ нашего столѣтія, всѣ были хорошо образованы, были сверстники декабристовъ и на нихъ, даже противъ ихъ воли, отражались нѣкоторыя идеи, воодушевлявшія молодежь царствованія Александра I.

Тѣмъ не менѣе во всѣхъ сохранившихся письмахъ къ матушкѣ моей, писанныхъ изъ Петербурга, Орла и Ростова на Дону (съ 1836 г. по 1840 г.), проглядываетъ утомленіе безпокойною службою съ вѣчными разъѣздами. Въ нихъ же часто высказывается желаніе сдѣлаться собственникомъ хоть небольшого клочка земли. Онъ выписывалъ разныя сельско-хозяйственныя сочиненія и часто любилъ мечтать на тему: окончить жизнь въ тиши деревенскаго уединенія мирнымъ земледѣльцемъ. Средства для осуществленія этой идеи нашлись: 10-го января 1836 г. высочайше были пожалованы 2,000 десятинъ земли въ Ставропольской губерніи. Земля эта, при тогдашнихъ сообщеніяхъ, была трудно досягаема и не соотвѣтствовала его понятію объ имѣніи и деревенской жизни. Поэтому онъ продалъ ее В. Д. Задонскому, одновременно получившему участокъ рядомъ. Интересна тогдашняя цѣна на землю, нынѣ прорѣзанную кавказскою желѣзною дорогою: полуимперіалъ за двѣ десятины.

«Служба слишкомъ тяготитъ меня, чувствую, что не въ состояніи долго нести ее и если не куплю имѣньица и не устроюсь въ немъ,

ГРАВИРОВАЛЪ ВЪ ПАРИЖѢ ПАННЕМАКЕРЪ.

ИНЖЕНЕРЪ-МАІОРЪ, ВПОСЛѢДСТВІИ ГЕНЕРАЛЪ-МАІОРЪ

КАРЛЪ ѲЕДОРОВИЧЪ ДЕТЛОВЪ

1789—1840.

ПОРТРЕТЪ ИЗДАНЪ ПОЖИЗНЕНІЕМЪ К. К. ДЕТЛОВА.

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ ЖУРНАЛУ «РУССКАЯ СТАРИНА».

ДОЗВОЛЕНО ЦЕНЗУРОЮ. С.-ПЕТЕРБУРГЪ, 21 МАРТА 1883 Г.

ЭКСПЕДИЦІЯ ЗАГОТОВЛЕНІЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ БУМАГЪ.

то возьму годовой отпускъ, чтобы хоть разъ въ жизни пожить по человѣчески»,—писалъ онъ въ 1838 г. Но работа не уменьшалась, подходящее имѣніе не отыскивалось и не покупалось, отпускъ не брался,—а время шло. Наконецъ, осенью 1839 г., Карлъ Федоровичъ купилъ въ г. Харьковѣ на углу Екатеринославской улицы и Дмитріевскаго переулка пустое мѣсто и началъ на немъ постройку дома, желая, если не въ деревнѣ, то хоть въ городѣ, основать уголъ для семьи, состоявшей уже изъ трехъ дѣтей. Но не суждено было сбыться скромнымъ мечтамъ о спокойной старости, посвященной воспитанію дѣтей.

14-го апрѣля 1840 г. вышло производство въ генералы. 28-го апрѣля было воскресенье и въ этотъ день, по обыкновенію, назначенъ въ Чугуевѣ разводъ, на которомъ, по тогдашнимъ требованіямъ, обязанъ былъ присутствовать и Карлъ Федоровичъ въ полной парадной формѣ. Онъ жилъ въ Чугуевѣ въ казенномъ домѣ, проданномъ потомъ, на Харьковской улицѣ, рядомъ съ нынѣшней городской управой. Случайно этотъ день, 28-го апрѣля, когда въ первый разъ пришлось надѣть генеральскіе эполеты, совпалъ съ семейнымъ торжествомъ: это былъ день рожденія старшей сестры моей, Александры, отъ перваго брака, которой исполнилось 14 лѣтъ. По обычаю протестантовъ ей были приготовлены подарки, испеченъ крендель, зажжены свѣчи и проч. Все это въ восьмомъ часу утра было разставлено на чайномъ столѣ вмѣстѣ съ самоваромъ. Но виновница торжества что-то замѣшкалась, а такъ какъ разводъ былъ назначенъ въ 8 часовъ, то Карлъ Федоровичъ, боясь опоздать, наскоро выпилъ стаканъ чаю и велѣлъ подавать дрожки. Уже накинувъ въ передней шинель и взглянувъ на себя въ зеркало, онъ опять вернулся въ столовую и, шутя, сказалъ матушкѣ:

— «Живо, Антуанета! Напомадь мнѣ волосы. Надо явиться сегодня генераломъ во всей красѣ».

Матушка, весело исполнивъ это, поцѣловала его въ лобъ. Это было прощаніе на вѣкъ.

Выѣхавъ изъ дому, Карлъ Федоровичъ завернулъ на нѣсколько минутъ къ генералу Задонскому, жившему на Манежной площади въ домѣ, гдѣ нынѣ помѣщается офицерскій клубъ, и нашелъ здѣсь нѣсколькихъ другихъ знакомыхъ, дружески привѣтствовавшихъ его въ густыхъ эполетахъ. Оттуда въ четырехъ экипажахъ всѣ двинулись на плацъ, что передъ юнкерскимъ нынѣшнимъ училищемъ. Дорога отъ Манежной площади къ плацу идетъ по Дворянской улицѣ нѣсколько подъ гору. Пара лошадей, запряженная въ легкія дрожки того времени, такъ называемую гитару, на которыя садились верхомъ, какъ на лошадь,—понесла. Карлъ Федоровичъ поднялся и старался помочь

кучеру осадить коней, но безуспѣшно. Доскакавъ до плаца, уже заставленнаго выстроившимися войсками, кучеръ у угла Гостиннаго двора повернулъ налѣво, но сдѣлалъ это слишкомъ круто,—дрожки закатились, опрокинулись и соскочили со шкворня. Карлъ Федоровичъ упалъ на землю у угла ограды построеннаго имъ собора,—и остался безъ чувствъ... изо рта и ушей хлынула кровь. Лошади понеслись далѣе, волоча по землѣ кучера, не выпустившаго вождей.

Между тѣмъ въ домѣ всѣ собрались и только что, въ праздничномъ настроеніи, размѣстились вокругъ чайнаго стола, какъ увидѣли, что лошади безъ кучера [1]) бѣшенно влетѣли во дворъ вмѣстѣ съ разбитымъ передкомъ отъ дрожекъ. Матушка, крайне встревоженная, выбѣжала на улицу въ чемъ была и направилась къ плацу. Встрѣтивъ адъютанта г. Палицына, ѣхавшаго въ экипажѣ, и чуя горе, она безъ церемоніи попросила его везти ее туда. Она нашла мужа уже перенесеннымъ въ залу гостинницы, помѣщавшейся въ нѣсколькихъ шагахъ отъ плаца на Дворянской улицѣ. Два военныхъ медика хлопотали около него, прикладывали ледъ, дѣлали ванну. Пригласили извѣстнаго профессора харьковскаго университета, Ванцетти, случайно находившагося въ Чугуевѣ,—но всѣ усплія врачей были тщетны и не могли привести его въ чувство: черезъ два часа послѣ паденія, глубоко вздохнувъ, онъ умеръ.

Такъ внезапно прекратилась эта богатая трудомъ, бѣдная радостями жизнь, которую 22 года «аракчеевщины» не смогли лишить ни одного изъ ея высокихъ нравственныхъ качествъ. К. Ф. Детловъ не могъ выдвинуть себя по своей профессіи: злая судьба да нужда обрекли его всю жизнь строить казенныя зданія и дороги по готовымъ образцамъ, бросили его въ такое безплодное дѣло, какимъ оказались военныя поселенія, на устройство которыхъ, можно сказать, онъ положилъ себя. Въ этомъ отношеніи онъ заслуживаетъ памяти не какъ талантливый инженеръ, какихъ въ Россіи было не мало,—а какъ честный инженеръ, не допускавшій и мысли о личныхъ выгодахъ въ казенномъ дѣлѣ,—а такихъ въ тогдашней Россіи было очень мало. Многіе изъ знавшихъ его современниковъ еще живы и я смѣло могу повторить, примѣняя къ нему слова внука его благодѣтеля, Александра Павловича Николаи: «нѣтъ сомнѣнія, что всѣ тѣ, которые его близко знали, подтвердятъ, что это былъ человѣкъ самыхъ благородныхъ правилъ и самыхъ возвышенныхъ чувствъ» [2]).

---

[1]) Кучеръ Степанъ Чуприна, нынѣ харьковскій мѣщанинъ, отдѣлался тогда, сравнительно, легкимъ ушибомъ и живъ до сихъ поръ. Это 80-ти лѣтній, бодрый еще старикъ, ѣздящій извощикомъ въ Харьковѣ.

[2]) Замѣтка о баронѣ Л. П. Николаи. „Русская Старина“, сентябрь 1877 г., тр. 103. К. Д.

К. Ф. Детловъ былъ ростомъ выше средняго, крѣпкій, плечистый человѣкъ, немного сутуловатый, пользовавшійся хорошимъ здоровьемъ и свѣжимъ цвѣтомъ лица. Имѣлъ густые темнорусые волосы и, дожив до 50-ти лѣтъ, не имѣлъ ни одного сѣдого. Обращеніе его было ровное, безъ тѣни заискиванія или подобострастія къ высшимъ, безъ надменности и высокомѣрія къ низшимъ. Съ подчиненными на службѣ былъ требователенъ и строгъ, но строгъ по убѣжденію, добродушно, безъ жестокости. Только ложь и низость возбуждали его гнѣвъ и вызывали иногда къ крутымъ мѣрамъ. Дома у себя былъ самымъ любезнымъ и гостепріимнымъ хозяиномъ, хотя всегда жилъ скромно, по средствамъ, и на знакомства былъ разборчивъ. Удѣляя много времени труду, дѣлу,—находилъ однако въ Чугуевѣ и для потѣхи часъ: охотно игралъ въ шахматы, любилъ въ веселомъ обществѣ стаканъ хорошаго вина и не уклонялся отъ партіи бостона. При скудныхъ средствахъ онъ, однако, ежегодно удѣлялъ нѣсколько сотъ рублей на книги и журналы. Изъ древнихъ классиковъ любилъ читать Виргилія (въ оригиналѣ), изъ новыхъ—Байрона (въ нѣмецкомъ переводѣ) и Шиллера.

По распоряженію графа Никитина были устроены торжественные похороны, на которыхъ при выносѣ присутствовалъ, буквально, весь Чугуевъ. Матушка пожелала предать тѣло землѣ въ Харьковѣ на лютеранскомъ кладбищѣ, гдѣ покоились ея родители. Цѣлый полкъ уланъ съ артиллеріей проводили гробъ до Харькова.

Въ то же время между сослуживцами покойнаго, по иниціативѣ друга его, полковника А. Г. Розаліонъ-Сашальскаго [1]), была открыта подписка на сооруженіе памятника на могилѣ. Подписка эта въ нѣсколько дней дала 1,900 руб. асс. и служитъ лучшимъ доказательствомъ любви и уваженія, которыми онъ пользовался. Памятникъ изъ бѣлаго мрамора былъ поставленъ въ 1841 г. На лицевой сторонѣ его сдѣлана надпись: «сооруженъ друзьями-сослуживцами».

Рядомъ съ этимъ памятникомъ я похоронилъ матушку въ 1877 г. († 13 сентября, на 76-мъ году жизни). У погъ его надѣюсь когда нибудь самъ опочить отъ земныхъ суетъ и былъ бы счастливъ, если бы сынъ мой съ одинаковымъ чувствомъ уваженія взиралъ на могилы дѣда и отца.

Императоръ Николай Павловичъ, по представленію графа Никитина, поддержанному графомъ Клейнмихелемъ, пожаловалъ матушкѣ

---

[1]) Впослѣдствіи генералъ. Оставилъ очень интересныя записки о своемъ плѣнѣ у турокъ въ 1829 г., которыя были напечатаны въ „Военномъ Сборникѣ“ въ 1859 г. (если не ошибаюсь). К. Д.

единовременно 8,058 руб. асс. и, главное, кромѣ обыкновенной пенсіи по чину, оставилъ ей пожизненно ту необычайную пенсію въ 2,000 р. изъ суммъ военнаго поселенія. Этой щедрой, истинно монаршей, милости мы, дѣти покойнаго, обязаны своимъ воспитаніемъ и гордясь памятью честнаго отца, построившаго сотни казенныхъ зданій, но не оставившаго намъ, буквально, ничего кромѣ подареннаго государемъ,— должны вѣрить, что служба за царемъ не пропадаетъ.

Образцомъ для приложеннаго—въ гравюрѣ парижскаго ксилографа г. Паннемакера, — портрета Карла Федоровича Детлова служитъ большой, писанный масляными красками, поясной портретъ неизвѣстнаго художника, снятый около 1832 года, вѣроятно, въ Чугуевѣ. Впослѣдствіи инженерамъ было разрѣшено носить усы, отростивъ которые Карлъ Федоровичъ получилъ нѣсколько другую физіономію. Но имѣющійся у меня акварельный портретъ его съ усами, снятый въ 1836 г. въ Петербургѣ художникомъ Векерлиномъ, по отзыву знавшихъ покойнаго, менѣе сходенъ и не передаетъ выраженія глазъ. При выборѣ портрета къ нашему очерку, мы именно остановились на этомъ хотя болѣе старомъ, но болѣе вѣрномъ изображеніи.

К. К. Детловъ.

Харьковъ.
1877—1883 гг.
